

МИКРОЛІТЪ

ПОРТО-ФРАНКО
ДЕКАБРЬ

ГУЛЬКЕВИЧ
2012

МИКРОЛІТЪ

ПОРТО-ФРАНКО
ДЕКАБРЬ

г. Гулькевичи 2012

ББК 84(2 Рос=Рус)
УДК 821.161.1
М-59

Главный редактор: Иван Кротов
Заместитель редактора: Александр Мартусенко
Представитель журнала в г. Санкт-Петербург: Павел Уваров
Редколлегия: Анна Мамаенко
Андрей Насонов
Игорь Васильев
Павел Уваров
Анна Петропавловская
Ответственный за интернет-ресурсы: Александр Гусев
Творческий совет: Иван Карасев
Нина Хрущ

Верстка: Иван Кротов

На обложке использована работа Мстислава Добужинского «Каунас. Жалякальнис зимой»

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96,
ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках второй специальный выпуск журнала «Микролитъ». Жизнь человека с древнейших времён и до наших дней состояла из больших и маленьких революций: женитьба, развод, или же создание антигравитационного двигателя. Чтобы создать нечто, мастеру приходится задавать себе границы, в которых он будет творить; но как только появляются любые ограничения, возникает желание эти границы нарушить – в первую очередь у самого создателя. Вот и редакция Микролита, устав от собственных ограничений, вызванных приверженностью к микроформам, решила создать свободную зону – этакий **ПОРТО-ФРАНКО**, куда могли бы заходить любые дружественные корабли. Слишком много *тоскующего неформата* скопилось в редакционной корзине.

Наш недавно открытый порт, связан с Мировым Океаном тонкой ниточкой реки Кубань, однако здесь уже бросили якорь корабли из Беларуси и Украины; из Москвы и Санкт-Петербурга. Главные гости сегодня – это редакция и авторы питерского журнала «Вокзал».

В порто-франко наконец-то выпал снежок и установилась недолгая, но оттого не менее долгожданная южная зима. Мы рады всем, кто доплыл до нас. Удачи и вдохновения в наступающем году!

Порто-франко (итал) «свободный порт».

ДОРОЖНАЯ КАРТА

АНДРЕЙ ДЕМЬЯНЕНКО, ОЛЬГА ТУРКИНА

Редакция литературно-художественного журнала «Вокзал»

Жизнь на «Вокзале»

Литературный журнал «Вокзал» появился в августе 2007 года. Были разные времена, но жизнь на «Вокзале» не прерывалась. Были ремонты и перепланировки, затишья и шумливости, но журнал не переставал действовать. О нём думали либо создатели, либо читатели, подталкивая творческий коллектив на выпуск новых номеров.

Сейчас журнал становится неприлично толст, но если для человека – это дело вкуса, для журнала это – отличный знак.

Чем «Вокзал» отличается от других изданий?

Нескучностью. Каждый найдёт произведение для себя.

Независимостью мнений. Редакция не связана финансовыми узами и поэтому тексты отбираются без предпочтений, по совести.

Концептуальностью. Рубрики подчинены логике, и номера выходят тематические. Был разговор о творчестве, свободе, кино, метро, сетях, сейчас будут апокалипсисы, куклы, игры.

Журнал можно назвать фестивалем короткой прозы и современной поэзии. Редакция старается представить максимальное количество произведений разных авторов. Можно было бы и больше, но не толстеть же бесконечно!!! За пять лет через «Вокзал» прошли сотни имён, тысячи произведений.

Как прежде, так и в будущем – страницы, наполненные поэзией, графикой, прозой, ждут своего читателя. Хорошие авторы и добрые люди нас находят сами, а мы думаем, как сделать «Вокзал» интересным.

Наш электронный адрес: vokzal@pisem.net

ЖД

Вот меня прогнозируют, как погоду,
Утверждают, что я снизойду на седьмой
и к восьмой платформе,
Нумерация с головы... Я сижу в вагоне,
В многоместном двухдневном казённом доме,
Мой бубновый валет встречает меня с цветами,
Я всё силюсь имя его вспомнить,
И списав раздражение на усталость,
Зачищаю коньячный дух табаком с ментолом.
И уже начинаю скучать по кавказским звёздам.
Все синоптики ждут моего возвращения в город.
Между рёбрами глухо стучат колёса,
Меня тащит по вечным рельсам Сансары скорый.

Пророки Тишины

Мы вышиваем наши имена
На выцветшем атласе Мироздания,
Меня колбасу на подсознание
И телевизор на проём окна.
Мы разрешаем голосу молчать,
Когда в февральском небе тлеет время.
И звонкой воробьиной трелью
Остывший подслащаем чай.
Мы – верные пророки Тишины,
Звеним тихонько ложечкой в стакане,
Но если вдруг однажды Мир устанет –
То кто-то скажет Слово. Может – мы?

* * *

Гладить тебя легонько и долго, пока не станешь белой галькой.
Под глазами отсыревшая кожа, покрытая тальком.

Пальцы подёрнуты тайной,
ледяной каймой, Кай мой.

Подобно выпуклой линзе
прозрачное сердце обнажает две жизни.

* * *

Утреннее слабое солнце бледноглазое

Расчёсывает тонкие волосы в зеркальце луны

Луна в солнечной руке не хочет загореть

Превращается в леденец

Она – побоюсь этого слова – женщина

Сеансы

В первый мой к Вам длительный сеанс
Вы несли стальной взгляд, но – нюанс –
Глаза желтели, а вчера
Из них посыпалась ржавчина...

АНДРЕЙ СУРКОВ

снег ворует у города его ржавую гримасу ярости

Большая проблема

И так проблем немало, так еще и новогоднюю мишуру начали продавать рано. Чуть ли не с октября и во всех магазинах. С ребенком куда не зайдешь – новогодние соблазны.

Папа, давай купим то, давай это. Мне просто необходим подарок на Новый год – нормальная ребеночья философия.

Зашли как-то в гипермаркет.

– А купи мне Деда Мороза, – говорит сынишка.

Ряды бородатых красноносых рассматриваю... Выбор большой. Пластиковые и керамические, и в сереньких шубках и в красненьких, и наши и Сантаклаусистые.

– Какого тебе? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – мне не такого.

– А какого? – не понимаю я.

– Мне настоящего, – сообщает он. – Это все проблемы решит. Ты мне покупаешь Деда Мороза, а он мне – подарки.

– Да – улыбаюсь я, – проблем действительно поубавится.

И думаю, как объяснить ребенку, что покупка настоящего Деда Мороза – это проблема. Большая проблема.

Полезный навык

Снег выпал и лежал былыми прямоугольниками, не таял.

– Наверное, навсегда, – подумал я.

Дороги и дорожки темными полосами делят снежные пироги. По полосам летят машины и скользят сгорбившиеся человечки.

– Что за жизнь... Нужно зимнюю резину переобувать, – решил я и посмотрел на автостоянку.

Там где-то в рядах машин, наряженных в одинаковые белые уборы, стоит и моя. Вон она.

Со своего седьмого этажа я усмотрел, как маленькая девочка, взяв маму за руку кренделит ногами по наледи стоянки. Иногда девочка почти падала, и мама резким движением ставила ее на ноги.

Пока папа прогрел машину и выезжал из плотных рядов транспорта, мама стояла, а девочка все училась балансировать на льду.

– Учится падать, – подумал я и грустно улыбнулся, – полезный навык.

Синицы в руках

...Когда утренняя серость поднялась к частому переплёту окна и беззвучно полилась через подоконник в дом, у него всё уже было почти готово. Сапоги перевязаны бечёвкой под отвёрнутыми голенищами. Двойные ватные штаны вправлены глубоко в кирзовые раструбы. Носки шерстяные, хоть и штопаные, но тёплые. И, на всякий случай, две пары – вдруг протрётся одна? – замёрзнут ноги – тогда беда... Сверху заслуженный и колючий свитер. Под ним фуфайка, конечно. Надеть ватник, взять корм и – можно в путь.

На крыльцо маленького сутулого дома вышел коренастый мужичонка, плотно, по-походному, упакованный. Внимательно осмотрел просевший угол, словно ждал от него какого-то движения или ответа, недовольно крикнул, спускаясь по истерично визжащим ступенькам крыльца, пробормотал себе под нос: «Ветшает, как же всё ветшает...», - и двинулся к опушке. «Да зато своё, маленькое, но своё...» - мужичонка зацепил и понёс с собой следующую мысль. Шёл он скоро, мелко и ловко семеня короткими ножками по стылой грязи.

Утренний обморочный туман то проглатывал его без остатка, то оставлял ненадолго в ложине, продуваемой колючим морозным ветром. Мужичонка шёл, почти не глядя под ноги, сотни раз хоженной тропой, и беспрестанно что-то бормотал. Дорогу от крыльца до опушки заняла мысль о ветхости построек вообще и его домишки, в частности. Самодовольное покряхтывание и фраза о тёплых вещах, согревших ноги и его – мужичонки – предусмотрительности засели в развилке молодого ясеня, задумчиво наблюдавшего с опушки за приближением зимы. Туману досталось оханье, приглушённая ругань – мужичонка оступился – и глубокомысленное заключение о том, что своя рубашка всегда ближе к телу и носить её лучше, не снимая, пока не набежали всякие.

Слова растягивались в белёсом, почти осязаемом воздухе и повисали гирляндами от берёзы к сосне, к дубку, ещё одной сосне... Они покачивались, наливались туманной липкой серостью и плавно опускались на тропу вслед за мужичонкой. Как, впрочем, и всегда. Сколько раз ходил он этой дорогой, сколько переговорил по пути... В любую погоду, каждый

день. Тропа зарастала; будто специально, чтобы досадить, валились поперёк неё толстые стволы вроде бы совсем ещё здоровых, негнилых деревьев. Но он упрямо продирался сквозь бурелом, вперемешку чертыхаясь и причитая. Каждый день шёл кормить птиц. Своих птиц.

Вот и она. Маленькая, затерянная в лесу полянка, почти совсем уже скрытая от глаз кустарником и молодым березняком. Мужичонка выпал из объятий ельника, перевёл дух, отряхнулся и вразвалочку, по-хозяйски, двинулся к изломанному ветрами клёну, невесть как выросшему здесь, посреди аскетичных сосен да сторожких берёз. На нижней ветви, как раз на уровне груди, висела справная, крепко сделанная кормушка. Мужичонка глянул на неё, полез было в карман за кормом, но вдруг остановился и понурился. Внизу, у корней, застыли в жухлой, окоченевшей траве два жёлто-синих комка перьев. Мужичонка поднял птиц, бережно побаюкал, зачем-то подул на грудки. Перья и пух разошлись, обнажив голую птичью кожу со страшными внутренними кровоподтёками на ней.

- Синички-и вы мои... – протянул он со всхлипом, - Что ж вам не живётся, а? Родимые... Я ж вас кормлю. Люблю я вас. Нет же никого у меня больше-то...

Постоял возле клёна, вздохнул и побрёл в сторону, к разметавшемуся по земле можжевельнику. Аккуратно и нежно положил синиц на землю, выудил из смолистых кустовых недр сапёрную лопатку и принялся ковырять ею мёрзлую землю. Через четверть часа два холмика стали в ряд с ещё несколькими, такими же маленькими, сиротливыми и голыми.

Мужичонка спрятал лопату, шмыгнул носом и, часто смаргивая холодные злые слезинки, снова пошёл к кормушке. Он любил кормить птиц. Своих синиц. Держать их в руках и любоваться тем, какие они круглые да бойкие. Он так гордился своими синицами... Каждый день приходил к ним. Столько лет. Они привыкли всегда есть до отвала. Пировать даже в самые лютые морозы и жестокое ненастье. Правда, жизнь мужичонки не слишком-то складывалась в последнее время, и с кормом было сложно. Но не мог же он бросить своих синиц. Они ждали его, они привыкли к сытости. Вот и придумывал, что мог. Старался. Ещё и праздник хотел им устроить. Ведь птицам не всё ли равно, что клевать?. Мужичонка достал из кармана мешочек, аккуратно и крепко перевязанный шпагатом. Не торопясь раскрыл его и насыпал в кормушку мелкие разноцветные осколки.

- Вот, кушайте, мои хорошие, - приговаривал он, - это вам от меня. С Новым годом, значит. Наступающим. Это ж мои шарики были. Не бось! Чужого не насыплю! Бабушка моя, бывало, ёлку украшала этими вот шариками, а я, дурень малолетний, бил их по неразумению. Но хорошо,

собрал все осколочки, все до единого. Вот и пригодились. Сколько радости было мне от этих шариков. Теперь и вам радость будет. Всё, что и осталось от жизни-то – вы, мои хорошие, да осколочки эти. Две радости. Да и корм, по правде сказать, весь вышел. Ну ничего, поклюйте, маленькие, поклюйте...

Он бормотал над пустой кормушкой, будто впав в забытьё. Ключья тумана проносились над поляной, ветер гнал мелкую снежную крупу и горстями бросал её в твёрдую терпеливую хвою лесных крон.

Мужичонка вдруг замолчал, распахнул неожиданно яркие, светящиеся от недавних слёз глаза. Откуда-то из невообразимой дали, с края мглистого поднебесья, лился тонким замерзающим ручейком прощальный журавлиный оклик. Тоскующее и мужественное прощание уходящего к югу запоздалого птичьего клина.

Мужичонка на полянке поднял вверх удивлённые глаза и долго смотрел в стремительно мчащие облака. Потом опустил голову.

- Эх, бедолаги неприкаянные... Покормить бы вас...

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

В предчувствии зимы
(черновое)

Будто черновое, будто беловое, древнее – меловое.

Небо, украшенное журавлями – пустые ладони. Твои.

Самое неуютное место в доме – дверной проём. И ты в нём.

Стоишь.

Окно было открыто, и на москитной сетке, с обратной стороны, сидели стайкой мухи, омываемые потоками тёплого воздуха. От холода жизнь в насекомых притихла, рискуя совсем замереть, и тогда, тогда ими овладеет другое, лихорадочное, заметное лишь распадом, движение.

ХОЛОД, ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ОЗНОБ, КРОВЬ НА ГУБАХ. Что ни говори, ЗИМА – ПРЕКРАСНАЯ ПОРА.

ТРЕХСТИШИЯ

ИЛЬЯ КОВАЛЁВ

К победам чужим
Никогда не возвращайся.
Взгляд за горизонт...

Еду в темноте.
Шелест одежд за спиной.
Нашла, блин, время...

Всё, дед отметил.
Торчит из снега сапог.
Третья лишняя...

ЛЮБОВЬ ПАХОМОВА

О, какое контральто!
Не даёт уснуть
Поющая лягушка!

Стук каблучков
По больничному коридору
Эхо свободы

Силуэт девочки
Танцует на шаре
Новая весна

Удивлённо смотрит
Сытый кот
На испуганных воробьёв

Падают яблоки
Гулким эхом в саду
Раскаты грома

Опять модница...
То же платье в горошек
Через сорок лет

ДМИТРИЙ МИРОШНИКОВ

На пути к просветлению

У статуи Будды
Пьяный монах задремал.
Садовая тяпка пылится без дела.

О смысле Дзен

Вечность на лицах тех,
Кто погружен в повседневность.
Рыбы поют о любви.

Мерцание лампы в сумраке комнаты.
И снова мой ночной собеседник -
одиночество.

Скоро и птицы отправятся в путь,
А я всё сижу на месте.
Ветер вздымает пыль над дорогой.

Валерины думы

В десять утра, как обычно по будням, Валера начинал думать мысль. В этот раз она была о травинке. «вот травинка» - думал Валера: «Она ведь такая тонкая, беззащитная, даже милая... Но асфальт пробивает! А вот я могу пробить асфальт? Нет. Но я могу сорвать травинку! Значит ли это, что я, Валера, сильнее асфальта? Или я всего лишь сильнее травинки? Или я просто человек, который может сорвать травинку, растущую сквозь асфальт? А если я не буду её рвать, значит ли это...» Мысль на этот раз попала сложная, постоянно растекалась во все стороны, и Валера не успел додумать её до обеда, а после обеда забыл. Вернее, не забыл, а его сбили с этой мысли какие-то люди, обсуждавшие будущий полёт человека на Марс.

Отобедав, Валера удобно устроился в своём кресле и начал новые размышления. «На Марс лететь несколько лет, а обратно дольше, потому что против солнечного ветра. По-моему, есть такой. Еда, вода, нет, воду они там как-то из мочи добывают, несколько людей плюс доктор...» Тут Валера остановился и прямо в середине мысли, как умел только он, задумался о другом. Решив через несколько минут, что доктора можно причислить к людям, Валера продолжил мысль о полёте. «Оборудование, топливо туда-обратно, и ещё год надо там, на Марсе, провести, разведать всё, застолбить, флажков навтыкать, нефть и газ обнаружить, образцы погрузить... Денег огромное количество нужно, одна Россия не потянет, если только Газпром поможет... А надо, что б потянула, что б мы там первые оказались... А, может, для экономии, только туда?» мысль была хорошая, и особенно Валере нравилось, что она государственная. Но и её до конца додумать Валере не дали. Наступило шесть часов вечера, рабочий день Валеры закончился, и его отпустили домой.

Работает Валера депутатом в Государственной Думе. Он хороший депутат и большого вреда Родине, в отличии от других депутатов, не наносит – взятки и откаты не берёт (ему, правда, никто и не предлагает), свой бизнес не имеет и, соответственно, ничего никуда не проталкивает, по регионам и за границам за государственный счёт не летает, ему интересней на даче покопаться, а голосует он так, как

старший товарищ по партии скажет. Его даже обещали и на следующий срок в депутаты взять, если он опаздывать на работу не будет. Иногда он, правда, кого-то с кем-то знакомит, просят же люди, и Валеру за это в ресторан или сауну ведут. И конверт хороший суют, толстый. Жена, правда, ругается, когда мужа пьяного домой приносят, но, увидев конверт, быстро оттаивает.

Обходится Валера народу России примерно в 300.000 рублей в месяц, плюс бесплатные мобильник, лечение, проезд-полёт, отдых, да и пенсия хорошая будет. И по мелочи там ещё набегает, и конверты опять же... Жена Валеры очень всему этому радуется. Народ России, наверное, тоже. А остальные про российского Валеру, к счастью, не знают, у них свои валеры есть. Но они, остальные, с этими своими валерами потихоньку разбираться начинают...

АНДРЕЙ СУРКОВ

Испытание Орфея было неполным! Орфей идёт к выходу из пещеры, Эвридика следует за ним. Если Орфей обернётся – она исчезнет. Ему всего лишь надо дойти до выхода, не обернувшись. Всё дело в том, что Орфей точно знает точку, в которой его сомнения прекратятся. Он знает, что там, за выходом, всё точно разрешится, так или иначе. Испытание неполное. Орфей не должен знать, когда ему уже можно обернуться. Ему можно обернуться тогда, когда Эвридика тронет его за плечо. Но когда это произойдёт – он не может знать. А может, уже произошло, а он не заметил? Или уже никогда не произойдёт? Точка схлопывания у него внутри, а не в конце пещеры. Пещера закончится тогда, когда Эвридика тронет его за плечо. Т.е. когда он почувствует это...

(после фильма «Реконструкция»)

ЗИМНЕЕ

НИКОЛАЙ ГРАНКИН

первый снег
обсуждают дворники
вчерашние новости

заморозки...
мальчик рисует домик
на запотевшем стекле

багровый закат
никак не обгону
женщину в чёрном

ФИЛМОП ПЛЭЙС

пустая улочка
кофе по-венски
с летящим снегом

каморка дворника
батон и кефир на столе
с тетрадкой прозы

урок биологии
самолетик с сердечками
через класс

ДУДУН

холодный звонок...
всё падает, падает лист

Припорошило.
Первый снег... незаметно
я стал стариком

глаз Луны
три недели
до конца света

ИВАН КРОТОВ

снежная зима
домашнее задание
при свечке

южная зима
инь-янские контрасты
снега и грязи

вторая четверть
в косую линейку
рельсы и провода

АЛЕКСАНДР МАРТУСЕНКО

Околица

*В память забытым
строкам.*

Дошатаый забор, инкрустированный инеем и небо над ним цвета опавшей листвы. И во всей этой Осени странно дугой выгнулось облако. Волны шерсти на моём пальто удивительно рифмуются с облаком. За околицей полосы леса расчерчивают степь.

Я не видел никогда журавлей, я слышал всегда их гуленье. Эх, опять напутлял, как Микита в коноплях.

Осень незаметно улизнула от меня, её сменило начало Зимы: глубокий кобальт неба, морозная луна – редкость для наших мест.

Интересно, сколько на Земле нас – счастливых людей?

В поиске хрустальных сфер...

...вечер ложится карандашным рисунком, облако кажет рыбий профиль в окно. Ощущение тайны.

А мы по ту сторону пейзажа: она стоит у окна чуть впереди так, чтобы я мог любоваться, как сквозь её полупрозрачное отражение густо осыпаются листья. Они сыплются так плотно, что всю неделю ни днём, ни ночью не прекращается шорох. О чём они шепчутся? Должно быть о нас.

Мы украдкой целуемся под этот шёпот.

Тайна опускается на землю: первые снежинки на ветках – словно крошки в бровях – срываются с облака. И ум, ветром увлечённый, отправляется в поиски хрустальных сфер.

ТРЁХСТИЦА

АЛЕКСАНДР БЫВШЕВ

Женщина с похоронкой -
Ещё одна жертва войны,
Не учтённая в сводках армейских.

Пусто в моём кармане.
Лишь остаётся слушать
Шелест зелёных листьев.

Словно слеза,
По щеке мертвеца
Муха ползёт.

По земле заглубевшей
Паук ползёт тяжело -
Тоже тащит свой крест.

Холодно одному.
Не потому ли так часто
Сердце ночами жжёт?

Пёс бездомный напомнил,
Глядя прямо в глаза мне,
Что я ещё человек.

Огонь листает книгу,
По строчкам о любви
Скользя горящим взглядом.

Тосты подходят к концу.
Салат уже наготове -
Ждёт важных лиц.

Доносится стон через стенку,
Пружины скрипят до утра...
Бедный сосед!

Ползут по бумаге
Буквы-букашки
Забвению алчному в пасть.

Первая четверть луны
Скобка закрылась, устал
Месяц ещё до каникул.

АНДРЕЙ СУРКОВ

тени на стене -
как на вас ни смотреться,
скоро уйдёте

Неряха

Мне исполнилось семнадцать, когда я познакомился с Лесей Альбертовной. Она была старше меня на пять лет, но я называл её не иначе, как по имени отчеству. Уж очень ей это нравилось. Сразу после школьного выпускного родители отправили меня в город к двоюродной сестре, поступать в институт. Я рисовал себе прекрасные картины: жизнь в светлой уютной квартире, в прекрасном районе, друзья, учёба, родители далеко. Но моё приподнятое настроение мгновенно улетучилось, как только я попал в своё новое жильё. И всё было как в моих мечтах: город, улица, даже дом, но Леся Альбертовна сумела впечатление от этих прелестей уничтожить одним лишь своим запахом.

Я не знаю человека, который бы не желал оставить после встречи с собой впечатление. И желательно не такое, как оставляют в сортире. Но она была исключением.

- Ну, привет, братик, - раздался в ушах хриплый голос, мгновенно выведя меня из ступора.

Передо мной стояла девушка, под глазами которой мирно, как две чёрные кошки, покоились синяки. Грязные волосы были безобразно стянуты затертой резинкой. Запах сигаретного дыма не позволял вдохнуть полной грудью. Да и стоило ли там вообще дышать? По её одежде можно было с лёгкостью определить, что она ела не только в последние дни, но и весь прошлый месяц.

- Привет, - промямлил я.

- Леся Альбертовна, - представилась она с важным видом. Девушка протянула мне липкую ладошку, а я стоял и думал: «Неужели, живя отдельно от родителей, вся молодёжь превращается в это?»

- Слава, - ответил я, с отвращением пожав ей руку.

- Ты надолго?

- Думаю, что «да», - я пожал плечами, сомневаясь, что хочу там оставаться.

- Тогда обустраивайся. Жить будешь в зале. И смотри мне, чтобы без глупостей!

Вещи я распаковывать не стал, так и оставил их в дорожной сумке.

Шаркая по грязному полу тапками, направился на кухню, выпить кофе. Вот только ни одной чистой кружки не нашёл. Всё вокруг было завалено грязной посудой с остатками еды, часть которой уже покрылась плесенью. Тяжело вздохнув, я уселся на табуретку. Надо мной нависал жёлтый покрашенный никотином потолок. Задумавшись, положил локти на стол и в них впились засохшие крошки. После обеда я должен был подать документы в университет. Собравшись, взял у родственницы запасные ключи и выскочил на улицу. От свежего воздуха закружилась голова. Хоть бери одеяло с подушкой, спи на скамейке, и то чище будет.

В тот же день в университете я познакомился с Ванькой. Несколько дней старался не приглашать его в гости, но тот таки напросился.

- да ка ты живёшь-то здесь? – негодовал товарищ.

- Так и живу! Съезжать мне некуда.

Ванька долго не задержался, даже пить ничего не стал.

- Лучше потом на улице пивка попьём, - буркнул он и сбежал.

Я покупал продукты, но они быстро испарялись. Леся Альбертовна не стеснялась никого и ничего. После неё в ванной оставалось что-то похожее на песок, будто она принимала душ прямо в обуви. На всё же несколько раз в неделю мылась, так как работала на рынке. К ней часто приходили друзья, с которым она засиживалась порою до утра, а потолок на кухне постепенно становился коричневым. Тапки постоянно липли к полу, и моё терпение было на пределе. Останавливало только то, что был в гостях.

Проснувшись посреди ночи, поплёлся на кухню выпить воды. Сонно нашарил рукой выключатель. Комнату осветила слабая лампочка и откормленные насекомые, которыми всё кишело, бросились врассыпную. Пить мне расхотелось.

- Леся Альбертовна, вы знаете, что у вас в квартире завелись тараканы? – возмутился я, бесцеремонно войдя к ней в комнату.

Девушка с невозмутимым видом небрежно принялась запихивать ногой под кровать грязный лифчик.

- А-а, ты о Фроськах! Не бойся ты их. Это мои сожители, без них как-то скучно, - губы девушки растянулись в улыбке.

Несколько ночей я заводил будильник и с решительным видом шёл топтать квартирантов. Расставить отраву не решил, да и какой в этом смысл, если вокруг грязи по щиколотку?

Новая посуда всё покупалась, а грязных тарелок становилось больше. Откуда у неё только деньги брались? Вечером родственница собралась с подружкой на прогулку, как правило, раньше двенадцати она не возвращалась, так что вымыть пол и посуду я бы точно успел. Надев

резиновые перчатки, пустил в раковину струю горячей воды и засыпал посуду химией. Пока та отмокала, вымыл пол, сменив шесть вёдер воды. Посуду мыл добрых два часа, но был горд проделанной работой. Проветрил помещение и полной грудью вдыхал аромат свежего воздуха вперемешку с чистящими средствами. «Вот сестричка-то обрадуется! Здесь добрый год не убиралось».

Я улёгся на диван в своей комнате, дожидаясь, когда вернётся хозяйка. Уж очень хотелось посмотреть на её удивлённое лицо. В замке неуверенно зашуршал ключ, но замок поддался лишь с четвёртой попытки. Леся Альбертовна вернулась в подругой, явно нетрезвая. Я встал у двери, дожидаясь, когда на кухне включится свет, предвкушая похвалу и благодарность.

- Слава! – закричала девушка не своим голосом.

- Что? Что случилось? – влетел я на кухню.

- Как ты мог, Слава? – спросила она, размазывая по грязному лицу слёзы.

- Что ж теперь Фроськи кушать будут?

У меня в глазах потемнело. Нет, таких как она не исправить.

Остеклитель

Здесь прошёл Остеклитель
и вставил окно
в асфальте
приучив воду быть смирной.

Ему стелет путь
мать ледяных пустынь –
Позёмка.

Идёт за ним караван сугробов
с тюками людского тепла.

Он любит геометрию,
безупречность линий,
графику веток, белила и тушь,
физику
летающей в бездне завьюженного пространства
снежинки.

Твоя кожа пылает от его поцелуев.
ты всегда пританцовываешь рядом с ним,
потираешь руки, пускаешь пар,
а то норовишь уснуть
совсем.

Вся жизнь затихает, глубоко
под корой, мантией, шубой.
Ни птичкиной тебе песни.
Ни козьявкиного присутствия.

Но тебе нравится его работа,
Он друг твоих детей
и так будет всегда
пока поёт твоё сердце и не стекленеет глаз.

Кто-то таинственный

Стояла прохладная сентябрьская ночь. Туристы потеснее собрались вокруг костра. Сидели уже долго, но ложиться спать не хотелось.

- Ну и что такого в этом месте? – воскликнула Катя, прижимаясь к Пашиному плечу, и кутаясь в свитер.

- Паша, ну, расскажи, расскажи! – поддержала её Ирина азартно блестя глазами.

- Да давайте уже спать, - прикрывая рот рукой, проговорил Павел - завтра рано вставать.

- Ничего, ты же у нас старожил, - усмехнулся Антон – проведёшь короткой дорожкой.

- Хорошо, - пожал плечами Павел, словно говоря: «Я вас предупреждал!»

Все взгляды устремились на рассказчика, а тот взял паузу, некоторое время молча глядя на огонь. В палатках, расставленных неподалеку, лежали теплые вещи. Бойко потрескивал сухой хворост. На темный небосвод одна за другой высыпали разноцветные звезды. Ветви высоких деревьев мерно качались, поскрипывая на ветру. Тревожно шумела листва. Несколько раз над лесом с резким клекотом проносились птицы. Неподалеку ухал филин. За холмами на ветру шумел сухой камыш. Рядом укрылось глубокое озеро, чьи крутые берега и темные воды пользовались дурной славой.

- Лет десять назад в этих местах орудовал опасный маньяк, - медленно, словно нехотя, начал рассказ Павел – раз за разом пропадали люди, ходившие лесом. Вместо них находили изуродованные тела...

Со стороны озера дохнуло прохладой. Катя невольно оглянулась – словно кто-то незримый внимательно посмотрел на компанию молодых людей.

- Говорят, здесь милиция всё прочесывала несколько месяцев подряд, но так никого и не поймала, - добавил Павел, намеренно понижая голос. Девушки зачарованно смотрели на него – в народе говорили, будто в лесу поселился оборотень...

- Детские страшилки! – фыркнул Антон, которого раздражала самоуверенность товарища.

- Будут тебе страшилки, когда пропало не то восемь, не то – десять человек, а найти убийцу так и не смогли, - ответил Павел – Я часто брал отцовские газеты: там не раз писали о поиске мужчины внушительного

роста и без левого уха.

- И с горящими глазами размером с блюдце! – поддел приятеля Антон
- Да, наш народ обожает преувеличивать!

Рядом с Ириной, да при свете костра, он казался себе бесстрашным героем. Но никто не поддержал его скептицизма.

А лес все шумел. Павел продолжал пугать друзей, в красках растисывая зверства творимые оборотнем. Екатерина задумчиво слушала, положив голову ему на плечо. А деревья все гудели, переговариваясь со звёздами. Холодный ветер играл с листвой. Луна любовалась своим отражением в озере. Молодые люди продолжали беседу. Они так увлеклись, что не заметили самого главного. Кто-то давно и пристально наблюдал за ними, оценивал. Каждый кусочек древесного мха, каждый куст прислушивался к бойкому смеху и возгласам. Кто-то загадочный был любознателен, хотя и обладал чувством такта, за долгие годы ни разу не потревожив туристов. За последние шесть лет он надёжно закутал гостей в плащи, сотканные из прохладного и непроглядного ночного мрака и шороха травинок. Кто-то молчаливый пошёл на это из сострадания, чтобы в тот роковой вторник друзья не стали жертвами сумасшедшего душегуба. Он был добрым хозяином и за своё гостеприимство не брал платы. За последние шесть лет кто-то осторожный хорошо изучил практически все мысли своих неугомонных гостей, но всякий раз открывал для себя нечто новое. Он искренне полюбил их...

Только отдыхающие из города, приходя сюда, иногда слышали неподалёку от себя звонкий, жизнерадостный смех, не понимая, откуда он исходит...

А. Антонович «Зимний день»

НИНА ХРУЩ

Живу в достатке – денежки, икра,
На шее вся из золота цепочка...
Костюм из замши, белизна платочка...
Всё было б так, но эта жизнь – игра,
Всему и всем, и в ней наступит точка.

Любви всем доступны высоты.
Влюбленные - он и она.
Бывают, нежны бегемоты,
Когда золотит их луна.

СЕРГЕЙ УТКИН

Хочу туда, где красный зонтик,
Где море, пальмы и песок,
Где бирюза на горизонте
Уперлась родине в висок.

Пересчитай себя купюрами
И взнос прилавку изложи!
Ты издан весь макулатурой
И роздан бакалейной лжи!

А я куском стихотворения
Встаю с постели в Рождество,
Чтобы поздравить с
Днём рождения
Его, как друга своего...

Математика всё опишет:
Человек – это функция, мэ,м,
Экономик, с петлями вышек
И великих общественных схем.

Вы, Царица, умней Конфуция!
Но позвольте один момент:
Человек у Вас – только функция,
Но тогда кто её аргумент?

Намедни хоронили Петра Петровича. Замполит был, и начальник участка с завода. Говорил о достижениях, и что перевыполнил, и всегда был в рядах самых. Даже с района приезжали, на Волге. Призывали не отставать, и об ответственности, и о личном примере. Женщины прослезились, всё по чину, мужики вполголоса растолковали друг другу «какой был человек», вдова покричала, натурально, чтобы её с мужем зарыли – её увели, надо ещё стол готовить. А покойник – лежит, всё ему ровно, и пальцем не поведёт, будто бы и скучает даже. На Волге-то начальники уехали, долго чертыхались что такая грязь. А детишки знай озорничают, по лужам прыгают. Манька-та, племяшка покойника – вот юла, не забоялась, подошла к гробу, и так без всякого почтения усопшего разглядывает. А потом скажи: «А дядя Петя-то уж громко храпел, так громко храпел» - и прям захихикала от воспоминаний своих детских неразумных. И смотрит по сторонам, на больших-то, словно ищет кто с ней тоже хихикает, её радость-то детскую неразумную понимает. А из присутствующих только один покойник ей и улыбается, одними глазами своими неподвижными – и словно смотрит на неё с нежностью. Хоть и не на неё вовсе, ясно, покойник ведь. Бабы-то на Маньку зашикали, потянули прочь. А покойный и головы вслед повернуть не может. Ну да что, принял приличествующий усопшему безразличный вид. Говорит: «Зарывайте». Мужики к лопатам, а он: «Только умрёт она – и я умру». А засыпали ладно, споро мужики справились. И место хорошее, дорожка рядом. А про что он говорил-то – да кто ж их разберёт, покойников-то. Неразумные. А какой был человек, всегда был в рядах

АННА ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ

Неправильный сонет

У меня пропадает голос
Негаданно и бессмысленно.
Все равно, что у зверя - волос,
А у философа – истина.

Еле сдерживаясь, глотала,
В молчанье, уткнувшись, плакала.
Звук использовала так мало -
Загрызла его, как Дракула.

Не спую никогда о чувствах,
Загадкой душа останется.
Растворюсь в немом искусстве.

Стихотворным ядром гаубицу
Заряжу и пальну наугад -
Может в цель попадет снаряд.

АЛЕКСАНДРА КОРОЛЁВА

Вторую неделю нейдёт со стола
Бутыль за бутылью, тоску заливая.
Но скрипнула дверь, тихо дама вошла
Вся в белом, с косой и босая.

Собравши последние мысли в пучок
Спросил: тоже выпить желаешь?
Садись, вот стакан. А вообще-то ты кто?
- Встречались нередко и кто я, ты
знаешь.

- Да знаю тебя я! Ты смерть. Ну и что?
Пожала плечами в ответ: Ну и всё!

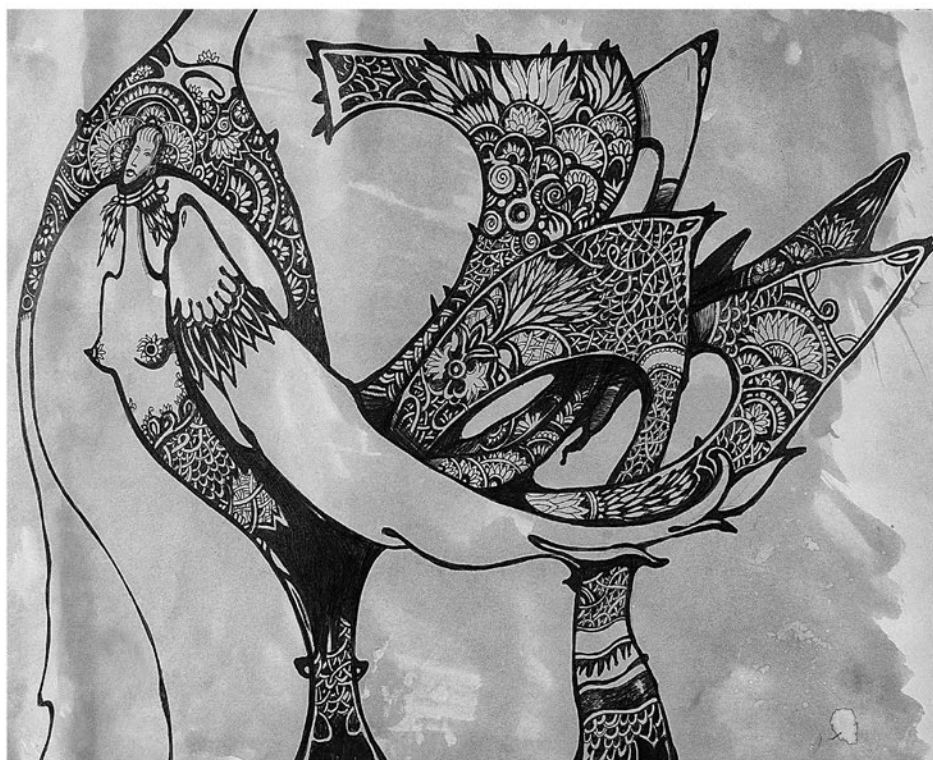
Потому как живой

Это рассказ про лоб и стены. Вот есть лоб. И у лба этого есть стена. Лоб, конечно, один. А стены - разные, но все они есть у этого лба. А у него - они, стены. Лоб горячий, но уставшим бывает смертельно. И прижимается он тогда к стене, - той, что рядом в этот момент оказалась. Она холодная такая, но к ней лоб прижимается, теплом своим делаясь, и она это тепло принимает. А еще лоб очень тяжел, и, прислонясь к стене, он часть груза своего на нее перекладывает. А она стоит себе терпеливая, но согретая, и даже, кажется, радуется. Вот уйдет он, отдохнув, отпрянет от неё и дальше живет, а как тяжело ему становится - он - снова к стене, но другой уже. Не к той же бежать, чтоб теплом и тяжестью делиться. Глупо же лбу себя так растрчивать. Да и пока добежит, все уж выветрится: и груз мыслей разных и переживаний. Вот и прижимается к другой стене, а та - тоже счастлива от этого. А лоб еще и потому так к разным стенам прикасаться не гнушается и даже за жест считает, потому как он не одну так стену счастливую сделал, а множество. А им, вроде бы, и благодарными надо быть - так бы стояли одни холодные. А некоторые и потрепанные и измученные. Стены ведь разные лбу попадают.

Есть стены гладкие, ровненькие такие, даже блестят на солнце, и вид у них такой, что если б лоб к ним не прильнул - им все это равно, так как они - стены такие, в лбах не нуждаются. Они свободные холодные и строгие стены. А лоб, он же все понимает, и все равно до них дотрагивается всем собой. Стены не показывают, а сами радуются, и даже ждать начинают, когда лоб устанет или просто от веселия или скуки к ним обратится. А есть стены уже не такие строгие, но все ж блестящие и даже игривые, переливающиеся: и на солнце и при луне; и то, что рады они этому лбу не скрывают, и лоб им тем же отвечает. Другие ни на тех, ни на этих не похожие. Гладкие они, и блеск вроде бы есть, но непостоянный какой-то. От этого даже страшно становится, так как объяснить нельзя. И гордые они, даже отвернутые немного. Хотя, как стене-то отвернутой можно быть. Лоб с осторожностью к ним приближается и согреть все ж пытается. Хоть это он всегда только для себя самого делает, но, в такие моменты, кажется ему, что он и стене хорошо делает, а та просто виду не показывает. А она и правда стоит отрешенная, отчужденная и чужая. Лоб покидает когда ее,

оборачивается, чтобы посмотреть на стены изменения, и – не обнаруживает. Уходит обескураженный и злой. А стена как стояла - так и стоит. И только половица рядом поскрипывает. Она все понимает. Она стену-то эту давно знает.

Иные стены как стены: и крепкие и от других ничем не отличающиеся, а лоб, какой бы усталый ни был и жар мыслей им какой ни овладел, все равно к ним не приближается. Терпит. Ему хоть и тяжело, а все ж и у лба душа, верно, есть. Вот он и мучается в одиночестве. Недолго. По пути же новые стены встречаются. И, если и не особенные они и ничем уже удивить не могущие, все равно у лба интерес и надежда есть. Хоть и натер он уже мозоль от этих стен. А теплом делиться не перестало хотеться. Потому как живой.

Сергей Матушкин «Птица Алконост»

ПЕРСОНАЛИИ

Асанова Мая г. Санкт-Петербург. Победитель международного поэтического конкурса «Золотая строфа 2011», финалист премии «Поэт года 2011» и ряда других поэтических конкурсов. Редактор интернет-журнала «Жажда».

Бывшев Александр п. Кромь. Преподаватель иностранного языка.
Гранкин Николай г. Краснодар. Призёр 4-го и 5-го международных конкурсов хайку.

Демьяненко Андрей г. Санкт-Петербург. Главный редактор журнала «Вокзал».

Дудун г. Москва.

Ковалёв Илья г. Краснодар. Саберфайтер.

Королёва Александра г. Краснодар.

Кравчук Ольга г. Симферополь. Украина. Филолог.

Криштул Илья г. Москва.

Кротов Иван г. Гулькевичи.

Кузнецов Владислав г. Москва.

Милкина Ксения г. Москва.

Мартусенко Александр г. Краснодар. Врач.

Мирошников Дмитрий г. Краснодар. Сотрудник рекламного агентства.

Насонов Андрей г. Краснодар. Кандидат биологических наук. Микробиолог. Региональный редактор проекта «Интеллигент».

Пахомова Любовь г. Краснодар. Художник-педагог.

Петропавловская Анна г. Краснодар. Филолог.

Сурков Андрей г. Краснодар. Программист.

Туркина Ольга г. Санкт-Петербург. График, редактор отдела поэзии журнала «Вокзал».

Уваров Павел г. Санкт-Петербург. Врач.

Уткин Сергей г. Шарья.

Филмор Плэйс г. Минск. Беларусь.

Хрущ Нина г. Гулькевичи. Член Союза писателей России.

Шенцов Максим г. Белгород. Аспирант БелГУ.

